

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

—•••—
Перелетные свиньи
Рад служить
Беззаконие в Бландинге
Полная луна
Как стать хорошим дельцом

Издательство АСТ
Москва

Перелетные свиньи

ГЛАВА I

1

Дворецкий Бидж вошел в библиотеку Бландингского замка, немного пыхтя после лестницы, поскольку он уже не был стройным лакеем, как тридцать лет назад. В руках он держал поднос, на подносе лежали письма.

— Дневная почта, милорд, — объявил он, и лорд Эмсворт, оторвавшись от книги (Уиффл «Уход за свиньей»), сказал: «Почта, а? Э... то есть почта? Угу, угу». Сестра его, леди Констанс Кибл, нередко сетовала на его отрешенность («О господи, Кларенс, чего ты вылупился!»), но и он мог при случае проявить быстроту ума.

— Да, да, почта, — продолжал он. — Это хорошо. Спасибо, Бидж. Положите ее на стол.

— Слушаюсь, милорд. Простите, милорд, можете вы побеседовать с сэром Грегори Парслоу?

— Нет, — сказал лорд Эмсворт, оглядев комнату. — Он же не здесь.

— Сэр Грегори только что звонил и просил, чтобы вы его приняли. Он идет в замок.

Лорд Эмсворт заморгал.

— Идет? Пешком?

— Видимо, да, милорд.

— А почему не едет?

— Он не объяснил, милорд.

— Целых три мили, — сказал лорд Эмсворт, — и жара какая! Он глупый человек.

На такие замечания, как бы он им ни сочувствовал, дворецкий не отвечает: «Золотые слова!» — или «В точку!». Бидж чуть-чуть скривил губы, показывая тем самым, что не лишен

чувств, а лорд Эмсворт стал думать. Думал он о сэре Грегори Парслоу из Матчингем-холла.

Многие из нас склонны завидовать графу, который живет в замке, среди вассалов и слуг. «Везет же людям», — говорим мы, отъезжая в шарабане от его покоев; и большей частью мы правы.

Но как мы неправы, если речь идет о девятом графе Эмсворте! В его раю был змий, на ложе из цветов — острый шип. Да, он получил от судьбы богатство, здоровье, замок, прекраснейший парк, но все эти дары обращались в прах, ибо чистый воздух отравлял такой человек, как сэр Грегори Парслоу, лелеявший темные замыслы против свиньи по имени Императрица.

Лорд Эмсворт не чаял в ней души. Дважды получив первое место по классу жирных свиней, она собиралась получить его в третий раз, если бы не Парслоу, все тот же Парслоу, владевший ее соперницей, Красой Матчингема.

Два года назад зловещий баронет подкупил и увел от нее одареннейшего Джорджа Сирила, и младший брат девятого графа утверждал, что это — только начало. В конце концов, чего и ждать от человека, который, еще не унаследовав титула, жил в Лондоне без гроша, только и бегая от закона? Хочет он протащить свою свинью — ни перед чем не остановится. Так говорил высокородный Галахад.

— Парслоу! — сказал он. — Я его знаю лет с двадцати. Опасный тип. Когда его ждали в гости, сильные мужчины трепетали и прятали все ценное. Таким он был и навряд ли изменился. Смотри за ней, Кларенс, а то этот враг рода человеческого подложит бомбу ей в корыто.

Слова эти проникли глубоко и внушили лорду Эмсворту примерно те же самые чувства, какие испытывал Шерлок Холмс к профессору Мориарти. Вот он и думал о сэре Грегори, и не очнулся бы от дум, если бы Бидж не кашлянул.

— Э? — сказал лорд Эмсворт, выходя из транса.

— Вы что-нибудь прикажете, милорд?

— Прикажу? А, понятно! Прикажу. Нет, Бидж, мне ничего не надо.

— Спасибо, милорд.

Бидж величаво удалился, напоминая при этом слона, проходящего сквозь джунгли; его хозяин снова стал читать. Дворецкий прервал его посередине той замечательной главы, в которой рассказывается, что свинья должна съесть в день не меньше 57 800 калорий, а содержатся они в картофеле и обезжиренном молоке.

Однако ему не везло. Не успел он прочитать и фразы, как дверь открылась и впустила на сей раз прекрасную надменную даму, в которой, немного поморгав, он узнал свою сестру.

2

Горький опыт научил графа, что визиты леди Констанс — не к добру, а потому он, как обычно, решил отрицать все, в чем бы она его ни обвинила. Отрицал он мастерски и в способ этот верил.

На сей раз, однако, она вела себя мирно, даже приветливо.

— О, Кларенс! — сказала она. — Ты не видел Пенелопу?

— Э?

— Пенелопу Доналдсон.

— Кто такая, — осведомился лорд Эмсворт, — Пенелопа Доналдсон?

Леди Констанс вздохнула. Не будь она дочерью восьми графов, она бы гавкнула. Отерев лоб рукой, на которой сверкали кольца, она подняла глаза к потолку.

— Пенелопа Доналдсон, — отвечала она с той мягкостью, с какой говорит терпеливая женщина, когда перед ней один из самых отсталых представителей выродившейся семьи, — это младшая дочь мистера Доналдсона из Соединенных Штатов Америки, чья старшая дочь вышла замуж за твоего сына. Напомню, что сына у тебя два — твой наследник, Бошем, и младший сын, Фредерик. Фредерик женился на старшей мисс Доналдсон. Младшая мисс Доналдсон — ее зовут Пенелопа — гостит в Бландингском замке, это здесь. Тебя я спрашиваю, не видел ли ты ее. Кроме того, я прошу, чтобы ты не разевал рот. Ты похож на золотую рыбку.

Мы уже говорили, что иногда лорд Эмсворт понимал все с ходу.

— А! — воскликнул он. — Ты хочешь сказать, Пенелопу Доналдсон. Видел, видел. Они там с Галахадом. Я выглянул из окна, а они идут. Гуляют, — пояснил лорд Эмсворт.

Леди Констанс издала такой звук, словно ткнула мокрым пальцем в раскаленную плиту.

— Галахад ее не отпускает, — сказала она. — Где его ум? Ему прекрасно известно, что она здесь из-за Орло Воспера.

— Кто?..

— О, Кларенс!

— В чем дело?

— Если ты спросишь: «Кто такой Орло Воспер?», я тебя чем-нибудь ударю. Ты это нарочно, назло! Сам знаешь, кто он такой.

Лорд Эмсворт вдумчиво кивнул.

— Знаю, — сказал он. — Вроде актера. Он живет у нас.

— Я догадываюсь. А Пенелопа его избегает.

— Какая умная девушка! Он очень скучный.

— Ничего подобного. Очень занятный.

— Кого он занимает, меня?

— Наверное, нет. Ведь он не говорит день и ночь о свиньях.

— Куда там! Когда я повел его к Императрице, он зевнул.

— Ему очень нравится Пенелопа.

— Закрылся рукой, но я увидел. Стоит и зевает.

— Для нее это прекрасная партия.

— Что?

— Это.

— Партия?

— О, Кларенс!

— Как же я тебя пойму, если ты крутишь и... да... вертишь? Говори просто. Говори прямо. Какая такая партия?

Леди Констанс снова ткнула пальцем в печку.

— Я говорю тебе, — устало ответила она, — что Орло Восперу нравится Пенелопа, а мистер Доналдсон будет очень доволен таким браком. Одно из самых старых семейств, и денег куча. Но что может выйти, если она все время с Галахадом? Одна надежда, завтра мы с ней едем в Лондон, везет нас Орло. Слушай ты, господи!

— Я и слушаю. Пенелопа едет в Лондон с мистером Дональдсоном.

— О, Кларенс!

— Или с твоим Воспером. Зачем куда-то ехать в такую жару? Очень глупо.

— У нее примерка. Платье для здешнего бала. А Орло должен повидать своего поверенного, насчет налогов.

— Налогов! — вскричал лорд Эмсворт, уподобляясь коню при звуке боевой трубы. Свиньи и налоги действительно трогали его. — Вот, я тебе скажу...

— Мне пора, — оборвала его леди Констанс, выбегая из комнаты. Беседы с главой семьи всегда этим кончались, разве что они проходили на воздухе, тогда она просто убегала.

Оставшись один, лорд Эмсворт некоторое время наслаждался тем покоем, который приходит к неприхотливым людям, когда женские члены их семьи уйдут куда-нибудь. Тут взгляд его упал на письма, он стал их просматривать. Просмотрев и отложив с полдюжины самых скучных писем, какие только бывают, он наткнулся на что-то иное и вскрикнул: «Ой, боже мой!»

То была открытка, одна из тех пестрых открыток, которых мы, интеллигенты, не выносим, хотя прочим людям они даруют чистую радость. Изображала она обнаженную красотку, по-видимому — Венеру, которая выходит из пенистых волн, произнося при этом (если верить пузырю, вылетающему изо рта): «Ах, как прекрасна жизнь!» Внизу, в волнах, можно было прочесть: «Ку-ку! Ну как, дорогой? Поздравляю и целую! Твоя Моды».

Открытка озадачила лорда Эмсворта, как озадачила бы любого мыслителя. Он не знал никаких Моды, тем более — столь нежных. В отличие от своего брата, который в свое время просто утопал в барменшах и балеринах, девятый граф всячески избегал Моды мира сего.

Поправив слетевшее было пенсне, он сунул открытку в карман и взял книгу, но поздно! Все эти Биджи и Конни, Пенелопы и Моды совсем расстроили его, он ничего не понимал.

Оставалось одно. Утвердив пенсне, он пошел к своей Императрице.

Императрица жила в игрушечном домике, недалеко от огорода. Когда лорд Эмсворт приблизился к ее будуару, она, как почти всегда, набивала утробу теми 57800 калориями, о которых печется Уиффл. Моника Симмонс снабдила ее картофелем, ячменной болтанкой и маисовой и сепарированным молоком, а она их ела с приятной жадностью, которой восхитился бы любой ее друг и почитатель.

Когда лорд Эмсворт приблизился, у перилец стояла эта самая Моника, массивная девица в брюках, очень похожая на дочь многодетного викария, играющую, как и сестры, в летний хоккей (собственно говоря, ею она и была). Десятый граф не очень ее любил, подозревая в том, что она фамильярна с Императрицей; и получил особенно мерзкое подтверждение этого порока.

— Привет, лорд Эмсворт, — сказала она. — Жара какая! Пришли к нашей свинке-спинке? Ну, я пойду попить. Жутко пить хочется. Пока.

И удалилась, попирая большими ногами траву и сено, а лорд Эмсворт, дрожа как осиновый лист, ухватился за перильца, печально вспоминая прежних хранителей свиньи — Джорджа Сирила, перешедшего к врагу; Перси Пербрайта, вести о котором доносились из Канады; Эдвина Потта, который ушел в частную жизнь, выиграв в лотерею. Ни один из них не назвал бы ее «свинкой-спинкой». Эдвин Потт, говоря строго, и не мог бы, поскольку у него не было нёба.

«Хуже некуда», — думал лорд Эмсворт, и его беспокойство не могла утишить даже сладчайшая из песен — хрюканье Императрицы, когда рядом с ним у перилец оказался невысокий, изящный джентльмен лет пятидесяти восьми, которому он и сказал: «А, Галахад!»

— Пип-пип! — радушно откликнулся новоприбывший.

Галахад Трипвуд был единственным членом семьи, к которому мы применили бы слово «выдающийся». Мир, как известно, не знает самых великих, но тесный мирок клубов, ресторанов, баров, бегов знал Галахада хотя бы понаслышке. Позор и беда своих сестер (Констанс, Джулия, Дора и т. п.), он пользовался уважением в менее суровых сферах, ибо

сердце у него было золотое, душа — просто изливала млеко незлобивости.

Сейчас, когда он глядел на свинью Императрицу, его отвлекло то ли рыдание, то ли стон и, обернувшись к брату, он увидел, что любимые черты искажены горем, словно глава семьи съел что-то кислое.

— Здравствуй, Кларенс! — продолжал Галахад. — Что-то ты грустишь! В чем дело? Думаешь об этом прискорбном инциденте в «Гербе Эмсвортов»?

— Э? — удивился граф. — Об инциденте? А что такое случилось?

— Неужели не слышал? Мне говорил Бидж, ему — судомойка, а уже ей — шофер. Насколько я понял, дворецкий сэра Грегори, Бинстед, ставил вчера на его свинью один к пяти.

Лорд Эмсворт был поражен.

— На Красу Матчингема? Он спятил? Что она перед Императрицей?

— Вот и я удивляюсь. Скорее всего, Бинстед напился и порол бог весть что. Хорошо, ты не слышал. Почему же ты так похож на глисту в отчаянии?

Девятый граф охотно поведал брату свою печаль.

— Это Моника меня расстроила, — сказал он. — Не поверишь, она назвала ее «свинка-спинка».

— Так и назвала?

— Честное слово! «Привет, — говорит, — лорд Эмсворт. Пришли к нашей свинке-спинке?»

Галахад помрачнел.

— Прискорбно, — сказал он. — Очень плохой тон. Остается предположить, что несчастное дитя не понимает всей своей ответственности. Так думает и Бидж. Он поставил на Императрицу солидную сумму и, естественно, беспокоится. «Готова ли La Simmons к своей роли?» — думает он. И я его понимаю. Заметь, Кларенс: сегодня — «спинка-свинка», а завтра? Такая девушка, страшно сказать, забудет покормить ее! Почему ты поручил столь ответственное дело лупоглазой дочери сельского vicarия?

Лорд Эмсворт, говоря строго, не ломал руки, но был к этому близок.

— Это не я, — возразил он. — Это Конни. Она им покровительствует. Ее и вина, Галахад.

— Конни! — воскликнул Галахад. — Я все больше думаю, что Блэдинг не станет раем, пока в нем есть наши сестры. Зачем они, Кларенс? Их надо ставить на место.

— Именно, — сказал лорд Эмсворт. — Да, вот именно.

Воцарилась тишина, если она может царить, когда обедает Императрица. Нарушил ее лорд Эмсворт.

— Где Элис? — спросил он.

— Кто?

— Ну, Пенелопа! Пенелопа Доналдсон. Вы вроде гуляли.

— А, Пенни? Да, гуляли, болтали. Какая милая девушка!

— Очаровательная!..

— Красивая, умная, мало того — добрая. Я случайно заметил, что выпил бы виски с содовой, и что же? Побежала, сказала Биджу, чтобы мне не пришлось заходить в дом.

— Ты будешь сейчас пить виски с содовой?

— Да. Оно вернет мне румянец, а главное — я подниму бокал за Биджа. Сегодня у него день рождения.

— У Биджа?

— Да.

— Ой, господи!

Лорд Эмсворт полез в карман.

— Понимаешь, Галахад, с дневной почтой я получил очень странную открытку. Совершенно непонятную. Всякие слова, а подписано «Моди». Может быть, это не мне, а Биджу?.. Наверное, написали ему, а принесли мне. Посмотри.

Галахад рассмотрел открытку в монокль и на оборотной стороне увидел надпись:

«М-ру Себастьяну Биджу,

Блэдингский замок.

Шропшир».

Лицо его стало серьезным.

— Разберемся, — сказал он. — Сколько лет он в замке? Восемнадцать? Или девятнадцать? Точность тут не важна, важно то, что я привык к нему, как к сыну, а если сын получает голых Венер от каких-то Моды, мы должны объяснить-

ся. Иначе секс поднимет здесь, у нас, свою мерзкую голову¹.
Эй, Бидж!

Себастьян Бидж приближался еще величавей, чем всегда, ибо нес высокий бокал, наполненный янтарной влагой. Рядом поспешала тоненькая белокурая девушка, наводившая на мысль, что дворецкий прихватил по пути местную русалку. На самом же деле она была младшей дочерью американского миллионера, производящего корм для собак.

— Вот и мы, Галли, — сказала она. — Идем на выручку.

Галахад взял животворящий напиток и возгласил:

— С днем рождения, Бидж!

— Спасибо, мистер Галахад, — отвечал дворецкий.

— Хлебнете, Пенни?

— Спасибо, нет.

— Кларенс?

— Э? А? Нет, спасибо.

— Прекрасно, — резюмировал Галли, допивая бокал, — а теперь перейдем к неприятному. Бидж!

— Да, сэр?

— Посмотрите на эту открытку.

Бидж взял открытку, и лицо его странно задвигалось, словно он улыбнулся бы, если бы не жесткий кодекс дворецких.

— Итак, Бидж? Мы ждем. Кто такая Моды?

— Моя племянница, мистер Галахад.

— Да?

— Дочка брата. Можно сказать, непокорная овца. Убежала в юности из дома, стала служить в баре.

Галахад насторожился — что-что, а бары он знал. Упомяните при месяе Жиллетте безопасные бритвы!

— В баре? В каком?

— В «Крайтириен», мистер Галахад.

— Я должен ее знать. Что-то не помню никакой Моды Бидж...

— Она взяла псевдоним, Монтроз.

Галли запрыгал от радости.

---

¹ ...поднимет свою мерзкую голову — слова из детективного романа «Цветы для судьбы» (1936) Марджори Аллингэм (1904–1966).